

23. Sleeman in Oudh. An Abridgement of W.H. Sleeman's «A Journey through the Kingdom of Oudh». – Cambridge, 1971. – 287 p.

24. Snyder, G. The Real Work / G. Snyder. – N. Y., 1980. – 342 p.

25. Taifel, H. Human Groups and Social Categories: Studies in Social Psychology / H. Taifel. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997. – 384 p.

26. Williams, R. C. Russia Imagined: Art, Culture, and National Identity, 1840–1995 / R. C. Williams. – N. Y.: Peter Lang, 1997. – 394 p.

УДК 821.161.3

С. Г. Васильева

МАКСИМ БОГДАНОВИЧ И СИМВОЛИЗМ

Аннотация. В статье рассматриваются новые аспекты исследования литературной деятельности М. Богдановича. Разграничены такие понятия, как символизм и декадентство, а также описано их влияние на творческую деятельность белорусского классика М. Богдановича.

Ключевые слова: символизм, модернизм, жанр, стиль, декадентство, белорусская литература.

Диалогичность лирики Максима Богдановича является неоспоримым фактом для современного литературоведения. На протяжении всего времени существования творчества Богдановича исследователи высказывали дуальные точки зрения по поводу причастности поэта к символизму.

Е. Ковтун в книге «Начало супрематизма» (1990) называет картину К. Малевича «Черный квадрат» визуальным манифестом нового направления, т. к. форма, цвет и структура в этом произведении искусства сведены до нуля и перед художником стоит задача создать новое из ничего. Пожалуй, этот пример можно применить и к символистской литературе в целом. Если при романтизме от писателя требовался исключительный герой в исключительных обстоятельствах, реализму была характерна типизация образов с жизнеутверждающими установками, несмотря на трагичность ситуации, то в модернизме центральным мотивом является символ, который может быть интерпретирован как совокупность будущего, настоящего и прошлого.

Пути европейского, русского и белорусского символизма различны. Центральным понятием символизма исследователи называют символ, причем это не знак, не образ и не научный термин. Одна из основных функций поэтического языка – это обозначение, выражение какого-либо явления. В поэтических произведениях символистов превалирует стремление к высшему идеалу. Дискурсивные реалии требуют от поэта единства формы, структуры и идеи. Реальный мир в символизме существует в ретроспективе мистического, эти начала взаимосвязаны и взаимодополняемы.

Связывать творчество М. Богдановича с символизмом стали с первого появления писателя в литературе. Так, из воспоминаний В. Ластовского, который

входил в состав редакции «Наша Нива», узнаем о реакции Ядвига Ш. на присланную М. Богдановичем в мае 1909 г. тетрадь стихотворений: «Нябожчык Ядвігін ахрысціў гэты сшытачак «дэкадэншчынай» [7, с. 62]. Из-за оценки Ядвига Ш. часть стихотворений Богдановича отправили в архив. Остальная часть печаталась под псевдонимом, придуманным в «Нашей Ниве», – Максим Крыница. Новые стихотворения, присланные в редакцию, также отправляются в архив, пока в августе того же года их не находит С. Полуян, благодаря которому стихотворения с поправками печатают: «Пад праўдзівым ужо прозвішчам аўтара былі надрукаваны два вершыкі пад агульным агалоўкам «Лясун» (б. 516), у № 38 – «Край мой радзімы», у № 39 – «З песняў беларускага мужака», далее у № 41 – два вершы з цыкла «Вадзянік», у № 42 – «На чужыне», у № 43 – «Пугач», у № 44 – пераклад з Гейнэ, у № 46 – павіншаванне «Нашай Ниве», у № 47 – «Разрытая магіла», у № 50 – верш, пасвячоны С-ну, у № 51–52 – «Цемень» [7, с. 62]. Чем ценен исследователям этот биографический факт? Это показывает некоторое негативное отношение в мире литературы к декадентам и символистам в том числе. Можно ли было при таких обстоятельствах называть себя символистом? Конечно, нет. Это означало оставить свои произведения навсегда в архивах редакции. Конечно, мы не претендуем на право называть Богдановича символистом, мы говорим лишь о вдохновении молодого поэта модернизмом и его цели доказать пластичность поэтического белорусского языка.

Как известно, одним из популярных русских писателей на рубеже веков был символист Валерий Брюсов. Сомнений в том, что молодой белорусский поэт был знаком с произведениями В. Брюсова, не возникает. Чаще всего исследователи взаимодействия творчества В. Брюсова и М. Богдановича приводят в пример рецензию М. Богдановича к сборнику стихов «Семь цветов радуги», где он весьма лестно отзывается о стихотворениях русского символиста: «Брюсов – величина вполне сложившаяся, его достоинства и недостатки давно выяснены, характерные черты определены, и в этом отношении между критиками самых разнообразных направлений нет разногласий: расходясь в оценке, они сходятся в характеристике его поэзии» [3, с. 411]. Также литературоведы говорят о строках В. Брюсова в эпиграфе к циклу «Места» Богдановича [2, с. 68]: «Ты – чарователь неустанный, / Ты – неслабеющий магнит». Или же упоминают эпиграф к циклу «Старая спадчына»: «Мы зёрна древние лелеем, / Мы урожай столетий жнём» [2, с. 108]. Однако точек соприкосновения этих писателей больше.

Известный исследователь творчества и жизни Максима Богдановича Нина Ватаци в 1975 г. опубликовала статью «Максім Багдановіч – Валерыю Брусаву», в которой рассказала о письме белорусского поэта основоположнику русского символизма, датированном 1912 г. В. Я. Брюсов был известным пушкинистом, читал лекции, посвященные А. С. Пушкину. Богданович высказывает предположение об источнике образа в пушкинском стихотворении «Подража-

ние арабскому» (1835) – произведение Саади Ширасского «Гюлистан». Н. Ватаци рассуждает о том, что, скорее всего, письмо без ответа не осталось и В. Брюсов посоветовал М. Богдановичу обратиться к изданию «Пушкин и его современники». Издание выходило нерегулярно: «Такім чынам, можна дапусціць, што артыкул М. Багдановіча доўга чакаў сваёй чаргі, пакуль не быў апублікаваны ажно ў лютым 1917 г.» [6, с. 42]. Письмо говорит о том, что М. Богданович знал не только В. Брюсова как поэта, но и как историка литературы.

Тихон Годнев, который учился вместе с М. Богдановичем, вспоминает о занятиях в гимназии литературного кружка, который организовал их учитель географии и истории Порфирий Мизанов. Поступив в гимназию, М. Богданович также оказывается в составе кружка: «У маёй памяці захавалася толькі некалькі з яго (М. Багдановіча – С.В.) шматлікіх дакладаў: «Новыя павевы ў рускай літаратуры», «Сучасная літаратура і народны дух», «Сімвалізм і дэкадэнцтва» [7, с. 94].

Литературовед И. Богданович в разделе «Мастацкая апалогія хараства: феномен Максіма Багдановіча» из книги «Авангард і традыцыя» (2001) обращает внимание на то, что «Багдановіча абвінавчвалі ў штучным эстэцтве, нават у дэкадэнцтве. Але ж ён, абсалютна тэхнічна валодаючы еўрапейскімі мовамі, шмат перакладаючы з іх (асабліва з французскай – айчыннай мовы дэкадансу), выдатна ведаў адрозненне паміж гэтай плыню і сваёй эстэтычнай праграмай. Для яго дэкадэнцкая плынь была адной з тых літаратурных «майстэрняў» Еўропы, у якую трэба было «зазірнуць» і беларускай літаратуры, каб не выбівацца з еўрапейскага агульнакультурнага кантэксту. М. Багдановіч прыгожа «справіўся» з дэкадансам, стварыўшы некалькі натуралістычна эратычных вершаў» [1, с. 149–150].

С влиянием символизма на поэзию Максима Богдановича согласна и Л. К. Тарасюк («Мастацкія кірункі і плыні ў беларускай паэзіі ХІХ – пачатку ХХ ст.», 1999).

Подробно рассматривая эволюцию импрессионизма в белорусской литературе на примере творчества Зм. Бядули, Вл. Дубовко, М. Богдановича и других авторов, Т. Б. Матюхина в монографии «Беларускі імпрэсіянізм» (2015) затрагивает и символистские тенденции в творчестве М. Богдановича: «Часцей за ўсё яна (*творчасць* – С. В.) даследуецца ў кантэксце імпрэсіянізму і **сімвалізму**, зрэдку – неакласіцызму» [8, с. 67].

Для исследователей символизма ценно описание в книге С. Майхровича, а точнее, устоявшееся «однобокое» суждение 1960-х гг. о символизме среди литературоведов, его отрицавших: «**Жыццё не ёсць рэальная з’ява чалавечага існавання**, галасілі сімвалісты; у лепшым выпадку, яно – недасягальны розумам далёкі міраж, прыдатны хіба толькі на тое, каб тварыць з яго прыгожую легенду. Жыццё не мае патрэбы ў тым, каб тварыць з яго легенду ... І не ператварыць яго ў цудоўна эстэцкі міф» [8, с. 45]. У В. Брюсова в рецензии на поэзию А. Блока находим: «Искусство – всегда воплощение; даже неопре-

деленное, несказанное оно должно сказать и определить **в образах. Обратившись к жизни**, к явлениям реальным» [5, с. 182]. Строки из стихотворения Брюсова [4, с. 127–128] подтверждают его идеи:

Здравствуй, жизни повседневной
 Грубо кованная речь!
 Я хочу изведать тайны
 Жизни мудрой и простой.
 Все пути необычайны,
 Путь труда, как путь иной.

Что же касается самого искусства и его приверженцев, то критерием характеристики искусства у В. Брюсова становится правда: «Старайся быть правдивым в своем творчестве – вот вечный и единый завет поэту: правдивым и в замысле своего произведения, и в его отдельных частях, и в каждом образе, и в каждом выражении. Ищи лишь этого, пытай у души своей лишь одного: где правда. А прочее все приложится тебе» [5, с. 120].

Отметим, что разграничивать символизм и декадентство было затруднительно и для самих представителей течения. В. Розанов в начале статьи «Декаданты» (1896) не противопоставляет символизм и декаданс, однако конкретизирует понятие: «Декадентство – это *ultra* без того, к чему оно относилось бы: это – утрировка без утрируемого; **вычурность в форме при исчезнувшем содержании: без рифм, без размера, однако же и без смысла «поэзия» – вот *decadence***» [9]. Отметим, что поэзия декадентов эротична, эфемерна, эмоционально-чувственна, «в форме изуродованной и странной, в форме бесстыдно-обнаженной» [9]. Об этом говорит также С. Майхрович. Однако литературовед не дает четкого раграничения понятий декадентства и символизма.

В статье «Карл V» Брюсов с помощью диалога Издателя, Поэта, Автора, Критика объясняет схожесть и отличие понятий *символизм, декадентство, импрессионизм*: «Вы хотите узко понять символизм. Я считаю, что символизм неразрывно связан с тем, что называется в литературе декадентством и импрессионизмом. Символизм, импрессионизм и декадентство – это, так сказать, психологическая лирика. Эти три течения то идут параллельно, то расходятся, то сливаются в один поток. Верлен и Бальмонт – бесспорно импрессионисты, художники, передающие намеками свои субъективные переживания, – и потому они «символисты», хотя бы сами отрицали это» [5, с. 122]. Основываясь на взглядах В. Брюсова, можно утверждать, что пространство дискурса символизма наиболее точно характеризовало общий вектор поэзии начала XX в.

В 1906 г. В. Брюсов писал, что «декадентство как литературная школа кончается. Есть свой предельный возраст и у литературных школ. Моисей определял среднюю продолжительность человеческой жизни в 80 лет; литературные школы живут вдвое меньше: лет 35–40» [5, с. 115]. Этого нельзя сказать о символизме.

Таким образом, в современном литературоведении существует несколько подходов к определению символизма и выявлению его особенностей. Специалисты всё больше говорят о влиянии символизма на поэзию М. Богдановича. Ученые, подробно исследуя природу символа, склоняются к тому, что многие художественные тексты, которые ранее рассматривались как сугубо романтические или реалистические, должны быть проанализированы с точки зрения поэтики и эстетики символизма. Декадентство отличается от символизма, но эти различия не всегда четки и понятны. Очевидно, что современные поиски в области теории литературы позволяют уточнить актуальное на данный момент смысловое поле понятий «декадентство» и «символизм», что позволит продолжить осмысление литературного наследия писателей рубежа XIX–XX вв., испытывающих влияние модернистских направлений в своем творчестве.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Багдановіч, І. Э.** Авангард і традыцыя: Беларуская паэзія на хвалі нацыянальнага адраджэння / І. Э. Багдановіч. – Мінск: Беларус. навука, 2001. – 387 с.
2. **Багдановіч, М.** Зорка Венера: творы / М. Багдановіч. – Мінск: Мастац. літ., 1991. – 462 с.
3. **Брюсов, В. Я.** Избранные сочинения / В. Я. Брюсов. – Москва: Худож. лит., 1980. – 574 с.
4. **Брюсов, В.** Собрание сочинений: в 7 т. / В. Брюсов. – Москва: Худож. лит., 1975. – Т. 6. – 656 с.
5. **Ватацы, Н. Б.** Максім Багдановіч – Валерыю Брусаву / Н. Б. Ватацы // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі: інфарм. навук.-метаад. бюл. Беларус. таварыства аховы помнікаў гісторыі і культуры і Беларус. аддзялення Савецкага фонду культуры – 1975. – № 1. – С. 41–43.
6. **Багдановіч, М.** Я не самотны ...: успаміны, артыкулы, вершы, пераклады / М. Багдановіч. – Мінск: Мастац. літ., 2016. – 335 с.
7. **Майхровіч, С.** Максім Багдановіч: жыццё і творчасць / С. Майхровіч. – Мінск: Мастац. літ., 1958. – 201 с.
8. **Мацюхіна, Т. Б.** Беларускі імпрэсіянізм / Т. Б. Мацюхіна. – Мінск: Беларус. навука, 2015. – 202 с.
9. **Розанов, В. В.** Декаденты [Электронный ресурс] / В. В. Розанов. – Режим доступа: http://dugward.ru/library/rozanov/rozanov_dekadenty.html. – Дата доступа: 01.06.2022.